

Вольный стрелок

Михаил Серегин

Дочки-мачехи

«Научная книга»

2001

Серегин М. Г.

Дочки-мачехи / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2001 — (Вольный стрелок)

Повесть входит в сборник: «Вольный стрелок: Киллер рядом – к покойнику;
Дочки-мачехи.»

© Серегин М. Г., 2001
© Научная книга, 2001

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Михаил Серегин

Дочки-мачехи

Пролог

– Свидетельница Смоленцева.

Высокая молодая женщина лет двадцати восьми встала со своего места и, высоко вскинув голову, прошла меж рядами под скрещивающимися взглядами присутствующих в зале очевидцев судебного процесса.

Большинство из здесь присутствующих принадлежало к той яркой касте посткоммунистической России, что расхоже именуется нуворишами. Или «новыми русскими». Бритых затылков, «мобилов», «голдových» цепур и костюмов от «Gianni Versace» и «Briani» было более чем достаточно.

Во взглядах этих людей сквозило и любопытство, и нескромное внимание, и мрачный вызов... и ненависть.

Да, в некоторых взглядах сквозила и ненависть.

Тем не менее вышедшая к свидетельскому месту молодая женщина была меньше всего похожа на ту, кого можно ненавидеть.

У нее было бледное решительное лицо, четко обрисованные чувственные губы, широко распахнутые зеленовато-серые глаза и статная фигура. Нельзя было сказать, что она по общепринятым меркам красавица, но...

Всем приходилось видеть, как медленно оседает на западе стекленеющее багровое солнце, как перед ним, как дети перед чинной воспитательницей, толпятся облака, окрашиваясь в багряный, лиловый, грязно-розовый, золотой, оранжевый цвета; одно облачко похоже на застывшую в тихой заводи золотую рыбку, второе на двугорбного верблюда, третье – на дряхлую седую старушку у дороги. Зарево охватило полнеба, оно роняет блики на крыши домов, на церковные купола, расплзается по зеркалу реки, прыгает в лужах, дрожит в раскачивающихся ветвях деревьев...

И все, все, кто смотрит на это великолепие, думают: как все это красиво, но никто не знает и никогда не скажет, в чем же тут, собственно, красота.

Вот такой была красота и этой молодой женщины, которую так сухо поименовали «свидетельницей Смоленцевой».

– Я хочу изменить свои показания, – без предисловий произнесла она негромким, чуть хриловатым голосом.

При этих словах сидевший на скамье подсудимых мужчина медленно поднял голову и посмотрел на женщину взглядом, в котором высветилось искреннее изумление, если еще не перетекшее в шок потрясения, то только потому, что он еще не до конца осознал сказанное.

– То есть... как это – изменить? – пробормотал он.

При словах Смоленцевой по залу прошелестел легкий шумок. Судья призвал к порядку и, обратившись к свидетельнице, проговорил:

– Значит, вы утверждаете, что хотите изменить ваши первоначальные показания?

– Да.

– С чем это связано?

– С тем, что я хочу изменить свои показания, – упрямо повторила молодая женщина.

– Хорошо. Что же вы хотите сообщить суду?

– Я хочу сообщить, что мне известно имя убийцы и обстоятельства преступления.

Сидящий на скамье подсудимых мужчина посмотрел на свидетельницу с каким-то придавленным, недоуменным смятением.

– Тогда сообщите все это суду.

– Что же тут сообщать? – медленно выговорила Смоленцева. – Что же тут... сообщать? Убийца сидит там, где ему и положено сидеть – на скамье подсудимых!

И она в высшей степени выразительно посмотрела на того, кто уже не сидел, а в замешательстве привстал со скамьи подсудимых и, подняв руку, срывающимся голосом выдал:

– Да что... что же ты такое говоришь, Алька? Что же ты делаешь? Мы же... мы же...

– Я говорю правду, – жестко перебила его Смоленцева и послала второй многозначительный взгляд, в глубине которого корчился отчаянный, холодный вызов. – Я делаю то, что должна была делать здесь: говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Мужчина встал со скамьи и, выпрямившись, проговорил с горькой, недоуменной укоризной:

– И сколько же тебе заплатил Котов, чтобы ты изменила свои показания?

– Подсудимый!!! – загремел голос судьи под сводами зала заседания. – Немедленно сядьте!

– Не надо торопиться. Сесть я всегда успею, – словами Жоржа Мирославского из «Иван Васильевич меняет профессию» саркастично ответил тот. – Особенно стараниями многоуважаемого Филиппа Григорьевича.

При последних словах подсудимого по залу прокатилась волна неприязненных замечаний, шепотков и откровенной брани, хоть и произнесенной вполголоса.

А в третьем ряду поднялся невысокий, но необыкновенно широкий в плечах мужчина, краснолицый, лысеющий, с залитым потом лбом и непрестанно отдувающийся. Он был непомерно, просто по-раблезиански толст, но, по всей видимости, раньше был еще толще, потому что щеки его висели, как у бульдога, да и с шеи и особенно с массивного подбородка свисали толстые жировые складки.

И без того красный, пуговкой, нос стал почти багровым, когда толстяк гаркнул на весь зал густейшим басом:

– Эй ты, мудила! Задрай табло, сучара бацильная! И моли бога, падла, чтобы тебе с «пожизняка» откинулось на «вышку», а то, бля, на киче тебе нормальковая зононская параша «Флер оранжем» и там типа «Шанель номер шесть» покажется, после того как я маляву двину, какой дорогой гость прибыл, бля! Если тебя до тюрьмы довезут, баклана!

– Гражданин Котов, попрошу вас выбирать выражения в зале суда! – повысил голос судья.

Толстяк хотел сказать еще что-то, но сидевшая рядом с ним яркая дама с расстроенным бледным лицом и – тем не менее – аккуратно наложенной дорогой косметикой схватила его за одну руку, а здоровенный телохранитель – за другую и почти насильно усадили на место.

– Продолжайте, свидетельница Смоленцева. Расскажите суду подробно, что же произошло вечером двадцать четвертого августа этого года в пляжном домике дачного кооператива «Календула».

– Алиса, что ты делаешь? – тихо спросил подсудимый, снова привстав со скамьи, а потом вцепился в решетку, которой был отгорожен от зала, и – вероятно, неожиданно для самого себя – тряхнул ее с такой силой, что с потолка сорвался целый пласт штукатурки.

К подсудимому тут же бросились двое охранников в камуфляже и, грубо схватив за руки, попытались было усадить на лавку... Но тут лицо мужчины перекосила гримаса животной злобы, и один охранник полетел в левую сторону, а другой – в правую, попутно пересчитав головой несколько кресел.

– Взять!!! – проревел судья, поднимаясь во весь рост на своем председательском месте.

На взбрыкнувшего подсудимого, уже безвольно опустившегося на скамью, кинулось сразу несколько ментов. Они повалили его на пол и, заломив руки за спину, несколько раз от-

чески напутствовали пинками под ребра и по почкам. Финальным аккордом стал удар дубинкой прямо по голове, отчего глаза подозреваемого в убийстве помутнели и обесмыслились жуткой оглушающей болью.

– Поднимите его! – приказал судья.

Подсудимого подняли и, грубо встряхнув, как мешок с отрубями, поставили на ноги. Бледное лицо его было окровавлено, из угла рта вытекала тонкая струйка крови...Он поднял глаза на пепельно-серую, конвульсивно выпрямившуюся свидетельницу, обвиняющую его в убийстве, и медленно, едва слышно выговорил:

– Что же ты делаешь, Алька...

Губы женщины дрогнули, и, громадным усилием воли справившись с собой, она безжизненным, стылым голосом произнесла:

– Ну что ж... так надо.

Губы дрогнули еще раз, и если бы главный судья и все собравшиеся в зале, да и сам подсудимый, поднесли бы в этот момент ухо к этим губам, то они услышали бы слетевшее неслышно, как паутинка, как колыхание умирающего в жарком мареве ветерка:

– Так надо, Влодек...

Глава 1

Пир для «крыши»

– Каждый раз во время еды вы подвергаетесь воздействию чудовищных бактерий, – бормотал Фокин, пытаясь вылезти из-под стола, куда его непостижимым образом закатила судьба-злодейка. – П-поэтому пользуйтесь шампунем «Орбит с кли... кли... он защитит ваши пейсы от кариеса и даст вам ощущение сухости... в-в-в... на Муррромской дорррожке ста-а-аяли тррры сосны-ы-ы!!

Впрочем, эта монологово-вокальная партия продолжалась недолго, поскольку Афанасий Сергеевич находился в худшем из двух своих обычных состояний.

А эти два состояния были: во-первых, тотальное алкогольное опьянение, периодически включающее в себя демонтаж элементов окружающей среды и нанесение телесных повреждений гражданскому населению и работникам ППС, то бишь милицейских патрулей; и во-вторых – жестокий и коварный абстинентный синдром, в просторечии – бодун.

Третьего состояния Фокину было не дано. Как говорили еще древние римляне: *tertium non datum*.

...В данный момент он находился во втором и худшем из двух этих состояний и, несмотря на то, что пытался держаться бодрячком, чувствовал себя прескверно.

– Что, колбасит, Афоня? – проговорил Владимир Свиридов, на физиономии которого тоже наличествовала зеленоватая похмельная бледность, но несравненно менее колоритная, чем на оплившей морде его друга.

– К-колбасит. Что-то я не пойму... у меня третий день такой бодун проклевывается, что хоть топись. Не пойму я что-то. А что это вчера за слобная бабенка тебя искала, а, Свиридов?

– Много их тут, этих бабенок... – неопределенно отмахнулся Владимир, но потом все-таки уточнил:

– А как она хоть выглядела?

– Отпадно выглядела! – оживился все еще никак не выпадающий из похмельного столбняка Афанасий. – Рыжая такая, фигуристая... забористая баба, ничего не скажешь. На белом «мерине»-кабриолете приезжала. Классная тачка! Помнишь, мы примерно на такой же парковались у «Негреско» в Ницце. Э-эх, ведь жили же... не то, что сейчас!

Упомянув название едва ли не самого дорогого отеля Французской Ривьеры, Фокин тяжело вздохнул.

– Рыжая? На белом «мерине»-кабриолете? Лет тридцать пять и молодится под девочку, шалава? Так это Анжела, – презрительно сказал Владимир.

– Анжела, Памела, Маша, Даша... какая разница, если такая телка! Везет тебе на баб, Володька! Так она тут нарезала, тебя разыскивая! Глаза так и горели... лакомый кусочек, ничего не скажешь! Ты уже успел ее натянуть или как? Что молчишь?

– Да пошла она, проститутка...

Фокин недоуменно пожал плечами:

– Как это «пошла»? Как это «пошла»? Такая отпадная соска, и ты ее, значит, посылаешь... Не понимаю я тебя что-то, Свиридов.

...В последнее время в жизни Владимира Свиридова и Афанасия Фокина в самом деле появилось много непонятного. И таинственная сила фокинского бодуна, и свиридовское пренебрежение к «слобным бабкам» по значимости были отнюдь не на первом месте этих «непоняток».

Судьба, вертевшая этими людьми, как самый свирепый шторм не крутит утлым суденышком, забросила их в самый западный город России – Калининград.

Нажив немерено проблем в обеих столицах – Москве и Питере, – друзья прибыли в экскенигсберг, чтобы стать на мертвые якоря.

И они стали на них в самом прямом смысле.

Дело в том, что вследствие тотального безденежья, удивительно совпадавшего по временным рамкам с запоями, они устроились на работу в ресторан, находившийся на старом корабле, стоявшем на приколе в Калининградском порту. Корабль был недавно списан из Балтийского пароходства, хотя находился в довольно приличном состоянии, и теперь благополучно отдан в частные – и не очень чистые – руки.

Новые владельцы отреставрировали посудину и сделали из нее если не конфетку, так вполне приличное заведение. Не люкс, но для братвы средней руки – вполне подходяще.

На трех палубах корабля-ресторана располагался целый увеселительный комплекс с разнокалиберными саунами, бильярдными, стрип-клубом, мини-закусочными, казино, ну и так далее.

Главное помещение корабля – огромный зал первой палубы, созданный посредством демонтажа перегородок десятка люксовых кают – был отдан под ресторан «Лисс».

Непонятно, кто дал ему такое название – то ли человек, в детстве начитавшийся Александра Грина и запомнивший оттуда красивые названия портовых городов – Лисс, Зурбаган, – то ли поклонник известного продюсера Сергея Лисовского и его фирмы «ЛИС'С»...

Но тем не менее именно в этом ресторане работали Владимир Свиридов и Афанасий Фокин. Кем только не приходилось работать им на своем веку, особенно Фокину: и сельским, и городским священником, и охранником, и руководителем службы безопасности видного бизнесмена, и тренером, и вышибалой в лондонском кабаке в Вест-Энде, и частным детективом, и даже порноактером и киллером.

Послужной список Владимира был не меньше.

Так, последним его местом работы была служба безопасности одного из воротил московского бизнеса. Он был шефом киллерской структуры – группы прекрасно обученных, опытейших специалистов, сплошь бывших сотрудников спецслужб.

И вот теперь – работнички ресторана...

В ресторане «Лисс» они работали уже около десяти дней. А на исходе второй недели их призвал к себе директор ресторана Семен Аркадьевич Вейсман по прозвищу Пейсатыч и важно сказал:

– Вот что, братцы. Сегодня у нас большой день. «Крыша» хавать будет. Так что надо подготовиться до вечера основательно.

– Подготовиться так подготовиться, – сказал Фокин, который уже успел хватить пива и закусить икоркой, а теперь меланхолично пережевывал «Orbit». – «Крыша» так «крыша». Хоть подвал.

Пейсатыч назидательно потряс в воздухе указательным пальцем и проговорил:

– Вот именно этого я и предлагаю тебе и твоему дружку остерегаться – расхоложенности. Так что, Фокин, нечего мне тут пудрить мозги бодренькими восклицаниями. У тебя же на лбу написано, что ты уже успел похмелиться. О... черрт! Подъехали уже эти... бойцы. Наверно, сейчас указания по подготовке к банкету будут давать. Иди, Володя, прими у них всякие там цеу.

Свиридов, посмотрев через перила верхней палубы, увидел, что на пристани «пришвартовался» здоровенный синий джип, из которого один за другим вылезли носители упомянутых Пейсатычем цеу – то бишь «ценных указаний».

...Как оказалось впоследствии, ценны эти указания оказались только в одном пункте – в стоимости их гипотетического осуществления.

Первым из салона джипа извлек свои массивные тела добрый молодец, чья внешность никак не выбивалась из стандарта «гоблинария» средней руки. Вне всякого сомнения, никому не составит труда представить себе перекормленную собаку породы питбуль, важно расхаживающую на задних лапах, с золотой цепурой на шее – для балансировки, время от времени поскребывающую в массивном бритом затылке и то и дело отряжающую в окружающую атмосферу однообразный матерный лай.

Косая сажень в плечах, несколько пообвисшее пивное брюхо и уж совсем запущенная отвислая задница довершали калоритный портрет молодого человека из «крыши».

Второй гoblin был точной копией первого – эдакий модифицированный Полиграф Полиграфович Шариков начала двухтысячных годов, умело примененный к насущным веяниям времени. То бишь разросшийся до двух метров и обзаведшийся дыневидными кулаками.

Зато третий ростом не вышел, на фоне своих рослых собратьев он выглядел откровенным недомерком. Плюгавая редковолосая мелочь.

Зато, как уяснил себе Свиридов, когда дело дошло до непосредственного общения, отмочился он другим: понтами и «гнилым базаром».

Двое здоровых амбалов успели еще только пробубнить пожелание насчет «мяса там, типа, побольше», а мелкий бодро рассек воздух фронтальной и горизонтальной пальцовкой и гнусаво, через нос, откинул следующее:

– Ну, ты чисто выставь тама, чтобы типа фрукты там с канар-манар... там типа киви, манго, ананасов подкинь на закусон...

Огромный потомок Шарикова, сильно смахивающий на монументального толстяка из клипа «Дисотеки „Аварии“, который густейшим басом взрывается: „Пей пивво!!! Ешь мяссо!!!“ – покосился на мелкого шпендрика, которого продолжало распальцовывать и кидать в гнилые базары, неодобрительно. А тот не унимался: – Ну, чтобы бананы типа розовые были... осетрины там, балыку... я еще кокосовые орехи незрелые уважаю... ими после водяры закидываться в цвет. Пером надрезал верхарус... и там типа скальпировал и как из баклаги жабать можно. Это я так типа с пацанами сращивал на Багамах.

Говоря все это, шпендрик бегал вдоль стеллажей, на которых, собственно, и было уложено кое-что из перечисленной им провизии. На последнем вираже его занесло куда-то вдаль, и он начал орать с расстояния около пятидесяти метров, не глядя на своих братков и угрюмо безмолвствующего Владимира Свиридова:

– Думаю, ты в тему въехал, мужик? Так шо мне... нам надо организовать...

Голос его совсем заглох вдалеке, и Свиридов было двинулся за мелким гоблинарием, чтобы не выпасть из этого замечательного инструктажа, но был остановлен рыком одного из «больших»:

– Ты че, мужик, в натуре, совсем страх потерял? Куда когти рвешь?

Владимир, обернувшись, невозмутимо произнес:

– Так вашего товарища не слышать. А старшего...

– Какой старший? – рявкнул второй громила. – Этот недомерок с нами без году неделя в команде трется! Эй, Мосек... иди сюда, падло пучеглазое!

Мелкий брателло со смешной кличкой Мосек, вероятно, переименованной из Моськи, которая лает на слона в крыловской басне, появился немедленно.

Даже непонятно было, как он сумел так быстро преодолеть отделявшее его от Свиридова и братков расстояние.

– Еще раз будешь забазаривать этот борзой гниляк, сам на балык пойдешь, чмо! – внушительно проговорил здоровяк номер один.

– Да какой из него балык? – после гроссмейстерской паузы сказал здоровяк номер два. – Только на консервы... типа килька в томатном соусе.

Мосек сдулся прямо на глазах.

– Да пацаны, я... – начал было он. Но тут же был втоптан в палубу безапелляционным:
– Завали табло, Мосек. В общем, так, земляк, – повернулись громилы к Владимиру, – подготовьте нам там типа мяса побольше, солянку... водку. Водку... типа только «Абсолют». Вник?

Свиридов мрачно кивнул. Предложение выставить на стол не меньше ста бутылок «Абсолюта» его совершенно не вдохновило, так как было чревато плачевными последствиями.

Дело в том, что так называемый «Абсолют», так опрометчиво затребованный господами бандитами, в большинстве своем производился тут же, на борту корабля: в огромном трюме стояло несколько цистерн – с водой, спиртом – и хитроумный аппарат для смешивания вышеуказанных компонентов в коктейль. Все это бодяжил Фокин, а потом несколько его подручных заливали полученное пойло в тару из-под «Абсолюта», «Финляндии» и так далее.

Продукт предлагался клиентуре, которая уже накушалась приличной водочки и не могла «Абсолют» не то чтобы от разведенного спирта отличить, но даже от фекальных вод – тех самых, что бултыхаются в канализационных трубах.

Так Семен Аркадьевич Вейсман по прозвищу Пейсатыч, человек редкой доброты и щедрости, способный продавать снег якутам и телогрейки неграм на экваторе, экономил большие средства.

...Но тара из-под «Абсолюта», как назло, закончилась. Нужно было спасать положение.

– Я думаю, к мясу стоит взять вино, – важно проговорил он.

Тут Мосек опять проявил свою мерзкую сущность.

– Че-о-о-о? – протянул несносный недомерок. – Вино-о-о? Вино ваше беспонтово пить, как и пиво! Да ты че, мужик...

– Задрай грызлю! – снова прикрикнул на него один из здоровяков, а потом обратился к Свиридову:

– А почему вино?

– Вино к мясу – это аристократично, – внушительно проговорил Владимир и сделал значительное лицо.

Амбалы переглянулись, а Мосек снова заверещал:

– Че мы, телки, что ли, чтобы нас винищем накачивать, бля?

Свиридов пожал плечами со скучающей миной на лице: дескать, заглушите мелкого, ребята, что-то он откровенный порожняк гонит.

Один из здоровяков снова одернул не в меру прыткого шпендрика, а потом оценивающе посмотрел на Владимира и проговорил:

– А че, типа... это мысль. Можя, в натуре, а, Колян?

– Покатит, – сказал Колян басом. – Будем, типа, как интеллигентные люди. Вино к мясу, а потом водочкой полирнем, и покатит.

Свиридов кивнул, с трудом подавив облегченный вздох.

Дело в том, что и вино у Пейсатыча было особенное. Хранящиеся в огромной цистерне необъятные винные запасы имели одну примечательную особенность: несколько недель назад один из клиентов во время омовенской облавы сбросил в трюм пакет с героином, а тот провалился в упомянутую цистерну и в полном соответствии с законами химии растворился.

Нет надобности добавлять, что экономный Семен Аркадьевич не стал сливать в Балтийское море такое ценное вино. Просто перед подачей на стол героиновое пойло сильно охлаждали, потому что иначе вкус и запах выдавали несанкционированную добавку.

Зато прибыли ресторана возросли многократно. Человек, продегустировавший такой букет, мог пить самопальный «Абсолют», как воду, а мог и похлебать бензину, наивно предположив, что это «Martini Rosa».

– Ну че, договорились, – сказал Колян и, видя, что Мосек снова раскрыл было рот, в качестве превентивной меры одел его здоровенным подзатыльником.

Тот густо икнул и едва не врезался в стеллажи.

В то же самое время Фокин, подвизавшийся в «Лиссе» в качестве вице-шеф-повара, то есть заместителя главного повара, мучительно искал, где бы достать грамм триста приличного коньяку, чтобы заправить им только что подоспевший торт. Главный повар, который был уже в стельку пьян, переложил все обязанности на Афанасия, и теперь многопрофильный «Гаврила» прикидывал, что «Хеннесси», конечно, подошел бы, да только выделит ли его Пейсатыч, этот «Хеннесси»?

И Фокин направился к директору «Лисса».

Тот сидел у себя и пил как раз коньяк. В ответ на просьбу Афанасия выделить искомый напиток проклятый скупердяй заявил:

– У тебя что, коньяка нет? Иди и возьми у себя в трюме.

– Но, Семен Аркадьич... вы же знаете, что в трюме тот же самый разведенный спирт, только еще с чаем для подкраски и со жженым сахаром. Там же никакого аромата нет! Весь торт таким коньяком можно коту под хвост...

Пейсатыч нахмурился.

– А тебе аромат нужен? – спросил он и выпил стопку коньяку. – Тогда черпни винца и залей.

И тут Фокин вспылil. Лицо его густо побагровело, и Афанасий, кучеряво выругавшись, прорычал:

– Винца-а-а? Да что же это за издевательство, мать твою! А потом, если что, в торец кто будет получать? Не ты, нет! А когда повар твой главный по пьянке вместо базилика анашу в суп-харчо сыпанул и не самый последний в «крыше» человек, Боря Муромец, напоровшись этого, с позволения сказать, супца, и на карусель в парке культуры и отдыха кидался, как Дон Кихот на мельницы... а теперь с черепно-мозговой в первой городской больнице кукует! Кто тогда отдувался?! Хорошо, хоть он этот фирменный супчик не внутривенно принимал! А этот героин в вине! Надо ресторан срочно переименовывать – из «Лисса» в какой-нибудь «Вмаз» и «Кумар»!

– Да ты что так разошелся, Афанасий? – попытался было утихомирить его Пейсатыч, но не тут-то было.

– Может, вместо соли кокаином будем блюда сдабривать? Он тоже белый, мать-перемать!!! – продолжал орать Афанасий.

Директор, единственным недостатком которого была чрезмерная алчность, заерзал на стуле и, подталкиваемый децибелами фокинского голоса, потянулся было к початой бутылке коньяка – но тут Афанасий громыхнул:

– Если торт запорем – учтите, Семен Аркадьевич, так и скажу братве: мол, директор наш, – симпатичнейший господин Вейсман, – порекомендовал мне заправить торт героиновым винцом или коньячком на чаю и жженом сахаре.

Аргументация Фокина была исчерпывающей: трясущимися руками директор отдал ему бутылку «Хеннесси».

У Семена Аркадьевича было живое воображение, и он мгновенно нарисовал себе мизансцены, предсказанные Фокиным, и решил, что в подобной ситуации одними восклицаниями типа «Ах ты, жидовская моррррда!», густо сдобренными матом, не обойдется.

А Фокин с чувством выполненного долга направился в поварскую, по пути половину содержимого бутылки молодецки препроводив в собственную глотку.

* * *

– Ну, чем воздух сотрясать, – сказал здоровенный лысый бандит с физиономией плохо воспитанной гориллы, которую только что исключили из зоопарка за аморальное поведение, – лучше ты давай базарь, Мосек.

«По всей видимости, – отметил стоявший неподалеку от прямоугольника банкетных столов Владимир, – этот маленький недомерок Мосек тут что-то вроде тамады и шута на пиру.

Ну что ж, и флаг ему в руки: в отличие от большинства присутствующих язык у парня подвешен куда как неплохо».

Мосек многозначительно почесал в гладко выбритом подбородке и заговорил:

– В общем, базар такой. Типа мужик не из самых последних пацанов на деревне, типа там подвязок куча с ментами, братами и всякими там губернаторами. Ну, там по жизни отмазывал братву от всяких там наездов и проклевов из налоговой и таможни, с этого нехило кормится... тачка у него типа не фуиный там «мерсюк» с финтифлюшками, а типа «Ягуар» или, в натуре, ваще типа «Ламборджини» и «Бугатти»...

– Как? – переспросила вульгарного вида девица, покрашенная, как Чингачгук на тропе войны. Она сидела рядом с уже знакомым Владимиру Коляном. – «Бугай»?

– «Бугатти». На крайняк «Феррари берлинетта» или там, в натуре, «Ламборджини миура», – с видом знатока автомобильного бомонда пояснил Мосек. – Ну... в натуре, дача тама, коттедж всякий пропиленный, брулики, жена и две соски на стороне. От такой масляной жизни он не слабо зажил, поскольку с обычными пацанами бицуху и пресняк подкачать в спортзал ему запахло идти, а всякий гербалайф, в натуре, тоже пить запахло... потому как по раскладу это, бля, чисто непристижно.

– И чо? – пискнула телка.

– А чо? Попервах типа как Пугачева или там Долина эта, жрал каких-то, бля, эксклюзивных глистов из жопы китайской панды... Панда – это типа помесь медведя с енотом, типа как после аборта... бамбук он еще хакает. В общем, глисты у брателлы не прижились, не климат или хрен знает, может, че еще. Ка-ароче, брателло этот продвинутый весил за три сотни кил, а росточком при этом... ну на черепок помене меня.

– Ну, это ты мозг дрючишь. Меньше тебя, Мосек, только кроликов фермеры разводят, – сказал Колян, а плотный брателло в сером пиджаке во главе стола – по всему видно, босс – засмеялся и кивнул головой.

Мосек злобно шмыгнул носом, плеснул в себе в стакан выговоренного Владимиром «героинового» вина и продолжил рассказ:

– Ну, брюхо и все такое... это ему, в принципе, по барабану, но вот жена и соски его левые жестко кидали предьявы, что типа его пузень им голову прищемляет, когда там, типа, они ему минет... отсасывают.

Гоблины расхохотались.

– Брателло этот сначала на это все клал с прибором, а потом стал конкретно обламываться, потому что одной соске даже шею чуть не сломал, типа когда кончал... Влегкую дернулся и трындец, соске по башке сто кил прислало. Потом типа лечение-фуеверчение, моральный и оральный там ущерб... В общем, скинул он этой будке пять «тонн» «зелени». А потом... ну не то чтобы он лавэ закрысил, но все равно какой-то неприятный осадок в душе и все такое. Дальше – круче. В город приехали типа беженцы из какого-то там Черножопостана, там бабеус пошкулять, бутылок подсобрать. А наш брателло типа с какой-то стрелы как раз выруливал на своей навороченной тачане, бухой коптил по шоссе где-то киломов двести пятьдесят в час, потому как все ГАИ, ГИБДД и тэ дэ в гробу видел. К тому же какая-то шалава ему конец обса-сывала. Короче, ни хера он на дороге не смотрел, и все дела...

Свиридов окинул столы долгим взглядом: большинство гоблинов, от души смеясь, едва не падали лицами на столы – видно, рассказ Моська пробрал их не на шутку.

И еще – Владимир мог поспорить – Мосек рассказывал про человека, который был прекрасно знаком этим людям. Просто никто не называл имени этого брателло всеуе.

– И в этот, бля, роковой момент, – продолжал Мосек, – на дороге как раз одна старая чурка жопой загнута, бутылку пивную подобрать. Бемц, бля, и чурке кранты, а мозги ее куриные по светофору размазало. Кипежу было не на жись, а на смерть! Брателлу долго отмазывали, там типа кучу народу построили, скинули «зелени» немерено, но откосили на все сто. И типа получилось по протоколу, что чурка старая сама, блядь такая, с разбегу головой в брателловскую тачану шарахнула, и, сука, бампер помяла на три штуки баксов. На бабки ее решили типа не ставить, типа она ловко отмазалась – кони двинула.

Босс бандитов, склонившись вперед, затрясся всем своим монументальным корпусом в припадке пароксизмического беззвучного смеха.

А Мосек не без артистизма досказывал:

– Пацан устроил типа банкет на сто рыл, через одного по мусору гибэдэдэшному сидит. Все прокатило в цвет, попили, поели по душам. А на следующий день, ек-ковалек, к нему в офис пришел типа вождь этих, блядь, черножопых, какой-то там Саттарбай Калдыргоч, гребись оно все в пасть. Вонючий, как козел, грязный такой бомжок... как мимо пацанов, типа секьюрити, на входе прошел – никто не просек. И как захерачит брателле куском кала таджикского ослика прямо в пасть, а потом типа базарит: издохни, шайтан твоя. Тут эти секьюриты набежали, чмыря таджикского вывели, жестко отмудохали и сказали всем черножопым, что с этим Саттарбаем уматывать им надо из города в двадцать четыре часа. Те накрутили чалмы, манатки поластали и свалили. А брателло, которому кал от ослика в хлебобрезку попал, начал худеть от этих глистов таджикского ослика... Стала фигура отпадная, бля, как у каменных пацанов, которые типа скульптуры. А потом говно кончилось, и опять покатило по-старому. И щас, – Мосек многозначительно поднял палец, – брателло этот опять под триста кил разбух! Такие вот дела!

Свиридов переглянулся с Фокиным, который в этот момент пытался вытащить из-под крайнего стола закатившегося туда брателлу: дела-а-а...

По всей видимости, героиновое вино оказало свое феерическое воздействие, и в пределах помещения ресторана начинала кипеть бурная жизнедеятельность не блещущих трезвостью и светскими манерами индивидуумов.

Впрочем, эту картину довольно сложно представить.

Подумать только: более чем полусотни здоровенных бритых обезьян, яростно чавкающих, утирающихся рукавами пиджаков, рубашек и олимпийек, ковыряющих в носах и в ушах антеннами мобильных или – того хуже! – только что объединенными костями...

К потолку поднимался сизый дым бесчисленных сигарет и лай однообразных ругательств и грубых восклицаний:

– Ты глянь, Лех, бля, он свою мобилу типа утопил в водяре!

– Че, в натуре?

– А винище тут какое цеповое! Жидок, местный халдей, не слабо забашлял. А?

– Шала-а...вва!

– Слышь, Крот, а ты где эту телку надыбал? В блядской конторе, где Паша Горелый заправляет?

– Ссам телка... каззел!!

– Сы.. по...покойствие, гос-спода!

– Отзынь, козел, че ты м-меня торрркаешь...

– Ну-у-у... за ддррружбу!

Лица женского пола, которых тут было не меньше трех десятков, не отставали от своих кавалеров: одна, дебелая бабища под центнер весом, вскарабкалась на стол и водрузила на него свою монументальную задницу, которой позавидовал бы средних размеров гиппопотам; вторая засовывала в лифчик бутылку так называемого «Абсолюта»; третья мурлыкала и стыдливо закатывала глазки, в то время как в различные части ее тела вцепилось уже не меньше десятка рук, покрытых татуировками образца «не забуду зону», «бей мусоров», а также простенькими солнышками, якорями и кривыми надписями «Вася» или «Петро – муде с ведро».

– Слышь, Мосек, а про кого ты сейчас тут бутор зачехлял, а?

– Какой еще бутор?

– Ну... про жирного брателло, который глистов хавал для... ну, шобы тама типа похудеть.

– Да это так... фигурально, – сказал Мосек, который уже недурственно набрался винца от Пейсатыча и теперь полировал вино водкой «Абсолют», правда, произведенной не в Швеции, как полагается, а несколькими метрами ниже пиршественной залы.

– Че? Фиг...урально? Это че за тухляк?

– Да про Кашалота он базарил... в натуре, – оторвав лицо от салата, в котором он почивал добрые пять минут, сказал Колян.

– Про... Кашалота?

В рядах куражащейся братвы проскользнул легкий тревожный шепоток: «Про Кашалота?»

Глава 2

Капризы памяти

Владимиру приходилось слышать о Кашалоте: это был один из крупнейших криминальных авторитетов Калининграда, если не самый крупный, и по совместительству бизнесмен, судовладелец и – что в наше время уже не вызывает особых эмоций – член Законодательного Собрания области.

Те бандиты, что сейчас пьянствовали в «Лиссе», наперебой хвалясь своими успехами, были просто мелкими сошками, брехливыми шавками на фоне этого монстра калининградского большого бизнеса.

– А ты что стоишь, как «попка» на сторожевой вышке? – услышал Свиридов чей-то ленивый, пропитанный нотками сытого довольства жизнью голос, и его потянули за руку и заставили присесть.

– Пей!

Свиридов принял предложенный бокал и задержал взгляд на протянувшем ему эту водочную порцию рослом парне с чисто выбритым благообразным лицом, выгодно выделявшимся на фоне пьяных бритых образин, мелькавших там и сям.

– Пей, Влодек! – вдруг вплеся в пьяный гам мелодичный женский голос. И Свиридова словно прошла электрическая искра, а в глазах метнулась и мгновенно растаяла нежная алая пелена – потому что только один человек на земле называл его так, на польский манер, – Влодек.

Только один...

Владимир посмотрел поверх плеча благообразного парня и уперся в точеные черты бледного лица.

На него пристально смотрели зеленые глаза женщины, которая много лет назад смогла и захотела стать его, Владимира Свиридова, женой.

Глаза, в которые он боялся заглянуть, чтобы не быть околдованным и навеки впавшим в рабство.

Как не хотят заглянуть в затянутое мутной прозеленью зеркало тихого омута, боясь того, что предательски закружится голова, неотвратимо притянут чьи-то смеющиеся влажные глаза в слепой глубине – и ты уйдешь туда без права возвратиться и раскаяться в своей роковой ошибке...

– Алька!

– Здравствуй, Влодек. Давно не виделись, правда? Ты уже забыл меня, наверное.

...Но Владимир помнил.

* * *

Он помнил, как все началось.

Холодным подслеповатым сентябрьским вечером в угрюмой и неласковой Москве девяносто третьего. Да, той самой будоражащей осенью, когда в Первопрестольную снова, как в незабвенные августовские дни девяносто первого года, дни путча, ввели танки.

Владимир прекрасно помнил тот остывающий осенний вечер, конвульсиями рваного ветра мечущийся между стволами вязов и ив старого парка.

Парка, по которому медленно шел он – молодой человек двадцати семи лет – тогда еще только двадцати семи! – с тонким лицом интеллигента в, как говорится, надцатом поколении и чуть раскосыми миндалевидными глазами. И в этих умных и равнодушных глазах тускло тлело

спокойное, отстраненное довольство окружающим беспокойным миром. Миром, где жалобно плещут на ветру ветви старых деревьев и докучливый мелкий дождик стучит по плечам, как нищий бродяга в дом у дороги.

Молодой человек не спеша шел по краю дорожки, а сильные пальцы – длинные тонкие пальцы профессионального музыканта – сжимали ручку черного футляра для скрипки.

Он преодолел длинную аллею в красно-желтых водоворотах опавших листьев и вошел в подъезд внушительного пятиэтажного дома, расположенного возле парковой ограды.

Молодой человек поднялся на третий этаж и, подойдя к внушительной железной двери с цифрой «21», впился в нее пристальным взглядом сузившихся от напряжения глаз. И, коротко звякнув металлом в кармане невзрачного серого полуплаща, извлек связку отмычек.

В его руках оказался – нет, вовсе не канонический набор примитивных отмычек, которым пользуются заурядные воры-домушники! – а куда более совершенный комплект, представлявший собой шедевр конструкторских бюро ФСБ и ГРУ.

Отмычки замелькали в руках интеллигентного молодого человека со скрипкой с бешеной скоростью.

Молодому человеку со скрипкой потребовалась одна минута, чтобы открыть дверь, на которую наверняка были написаны тома гарантийных свидетельств, красочно живописующих полнейшую ее, двери, тотальную надежность и неприступность.

Проскользнув в темную прихожую, не зажигая света, он тщательно вытер подошвы ботинок о половичок и прошел в комнаты.

Окна гостиной выходили на парк, и подходы к подъезду прекрасно просматривались.

Молодой человек бросил напряженный, как струна его скрипки, взгляд вниз, туда, куда только что подъехала черная «Ауди», и вышедший из нее плотный мужчина – по виду охранник – почтительно распахнул заднюю дверь и подал руку сначала пожилому лысеющему господину с хищным ястребиным носом, а потом средних лет невысокой женщине в дорогом стильном пальто, модной шляпке, с миловидным капризным лицом и порывистыми движениями.

Владимир положил футляр скрипки на подоконник и открыл его.

В футляре лежали части дальнобойной винтовки с оптическим прицелом и глушителем, а также пистолет итальянская «беретта» с уже установленным глушителем и заправленной обоймой.

Именно он и оказался в узкой артистической руке с тонкими пальцами профессионального музыканта...

В то же самое время мужчина с ястребиным носом медленно поднимался по лестнице и говорил идущему рядом с ним и почтительно поддерживающему его под руку охраннику:

– А где Алиса? Она сказала, во сколько сегодня придет домой?

– Она сказала, что задержится у подруги, Владимир Казимирович, – ответил тот. – Если останется ночевать, то позвонит.

– Хорошо, Артур. Ты свободен.

И мужчина с ястребиным носом сделал неопределенный жест рукой, который, вероятно, должен был обозначать, что сегодняшний рабочий день его шофера и по совместительству личного бодигарда закончен.

Тот почтительно кивнул и, коротко попрощавшись с боссом и его спутницей, исчез в мраке лестничного пролета.

Звуки его шагов затихли, и женщина, оглянувшись, проговорила, чуть кривя губы:

– А ты не боишься, Володя, что она попала в дурную компанию?

Владимир Казимирович досадливо поморщился и, неспешно набрав четырехзначный цифровой код, вставил ключ в замочную скважину.

– Что же ты молчишь? – с нотками проклюнувшейся досадливой сварливости в голосе добавила женщина.

– Да ладно тебе, Марина, – отмахнулся мужчина, – гонишь тут не по делу. Нормальная она девка. А что ты хотела... чтобы она в восемнадцать лет сидела дома и никуда вообще не выходила? Вот тогда надо кипешиться... то есть беспокоиться, а сейчас, мне кажется, все в норме.

– Вот ты так всегда, Владимир Казимирович, – перешла на сухой официоз Марина. – Стоит тебе сказать о дочери, так ты тут же строишь из себя беззаботного, прекраснотушного бодрячка и начинаешь петь песенку из серии «Все хорошо, прекрасная маркиза».

Владимир Казимирович, которому такие свирепые демарши супруги, по всей видимости, были не в диковинку, пробурчал под нос что-то сдавленно-неодобрительное и открыл дверь.

Щелкнул выключатель, и Владимир Казимирович машинально прикрыл рукой глаза.

Когда же он отнял ладонь от лица и приоткрыл зажмуренные глаза, то увидел перед собой молодого человека весьма приятной наружности, стоящего в дверях гостиной и со сдержанным любопытством рассматривающего Марину, снимающую обувь.

– Вы... вы кто такой? – наконец выдавил Владимир Казимирович, и его хриплые слова совпали с коротким захлебывающимся криком Марины:

– Вы что... с Алисой, да? Она уже домой начала водить... этих самых... своих...

– Вы Владимир Казимирович Бжезинский? – спокойно спросил молодой человек, не обратив ни малейшего внимания на несносную даму.

– Да, но как...

– Можете больше ничего не говорить, господин Бжезинский. Оказывается, мы с вами тезки. Мне очень жаль.

Владимир Казимирович не успел даже испугаться, – настолько приятное и успокаивающее впечатление производил этот неожиданный гость, – как из-за спины «музыканта» с завораживающей, неуловимой для глаза обычного человека быстротой вынырнула рука... с зажатым в ней пистолетом.

Марина перекосила рот в беззвучном крике, увидев, как окаменел, привалившись к двери, ее муж... и тотчас же под аккомпанемент негромкого хлопка на лбу Бжезинского нелепой и жуткой кляксой возник кровавый росчерк пронизавшей голову пули... Но увидеть, как муж, словно мешок с отрубями, сполз по двери на пол, ей уже было не суждено.

Холодный взгляд киллера на какую-то невозможно малую долю мгновения оценивающе упал на скомканную пароксизмом животного страха женщину, и тут же его мозг четко продиктовал единственно возможное в данной ситуации решение: никаких свидетелей.

Он перевел на нее дуло пистолета и дважды выстрелил в перекошенное судорожным, обвальным ужасом лицо.

А когда она упала, хладнокровно произвел еще два контрольных выстрела в голову бизнесмена Владимира Казимировича Бжезинского и его супруги Марины Алексеевны Смоленцевой.

А на следующий день после этого мастерски выполненного заказа Владимир сидел в ночном клубе.

...В последнее время он все чаще засиживался допоздна наедине с самим собой в самых дорогих элитных ночных заведениях Москвы (благо деньги, перечисляемые ему за отработку заказов, вполне позволяли жить на широкую ногу) и, смеясь над собственной фальшивой слезливостью, думал о своей роли в этой жизни.

О страшной роли чистильщика, палача, волка криминальной России, который призван уничтожать все то, что могло привести к разрастанию куда большего зла, нежели содержащееся в нем самом.

Бесспорно, он, офицер спецназа ГРУ, особого отдела «Капелла», обученный и вышколенный по недостижимо высоким стандартам, обязан был выполнять все приказы своего начальства и лично начальника спецотдела «Капелла» полковника Платонова. Но, с другой стороны,

степень мотивированности этих приказов всегда оставалась для него, исполнителя, непроясненным и попросту ненужным связующим звеном в классической цепочке заказчик – организатор – исполнитель.

Организатором являлся полковник Платонов. Исполнителями – они, четырнадцать офицеров спецназа ГРУ из особого отдела «Капелла», переориентированных с внешних приоритетов противостояния на внутренние.

Враг был обозначен предельно четко: буйным цветом расцветшая преступность, тесно связанная с криминализированным бизнесом и с властными структурами.

Заказчиком же во всех случаях являлось государство...

...Владимир сидел за столиком в полном одиночестве и неотрывно смотрел на неотвратимо – раз за разом – пустеющий бокал. Иногда он привычно косился на застывшее где-то там, в полумраке стенной ниши, металлически поблескивающее зеркало: оттуда в отсветах трех свечей выплывало его собственное каменное лицо.

Слепая, замкнувшаяся сама на себе сосредоточенность, упирающаяся в обреченность, придавали его молодым и отточенным чертам выражение, присущее только людям, много испытавшим на своем веку.

Страдания наемного убийцы... нарочно не придумаешь. Тоже мне – Манфред и Лара, мелькали и хороводили иронические мысли, и терялись, растворяясь в рое более насущных размышлений...

Нарастающий с каждым последующим бокалом шум в ушах не давал отойти от мрачных мыслей и переключиться, ну, скажем, на созерцание сидящей через столик юной девушки.

Наконец Владимир поднялся и, несколькими шагами преодолев разделяющее их расстояние, присел за ее столик и тихо, но внятно произнес:

– Я вижу, у вас такое же человеконенавистническое настроение, как и у меня. Давайте лучше ненавидеть друг друга, чем весь мир сразу.

Девушка вскинула на него большие зеленые глаза, и Владимир увидел, что она в самом деле еще очень молода – не больше восемнадцати лет.

Но в этих глазах глухо тлело что-то такое, что сразу наталкивало на мысль: на самом деле ей гораздо больше лет, чем прошло с момента ее рождения.

– А я и не ненавижу весь мир, – ответила она. – Это удовольствие для истеричных тинейджеров, тыкающих всем в нос своим гипотетическим суицидом. Много чести его ненавидеть. Вы, наверно, выпили немного больше, чем следовало бы. А у вас что, сегодня день рождения?

– Как вы догадались? – вымученно улыбнулся Владимир.

Девушка передернула хрупкими плечами:

– Просто я ненавижу свой собственный день рождения. И когда в этот день ко мне приходит куча гостей с еще большей кучей подарков и начинает говорить всякие глупости о моем цветущем виде и в высшей степени замечательной фигуре... так вот, на моем лице появляется точно такое же выражение, как вот сейчас было на вашем.

Свиридов улыбнулся.

– Почему-то многие люди, напротив, любят свой день рождения, – произнес он. – А я думал, что я один такой урод, который терпеть не может ощущать себя именинником.

Девушка в изумлении подняла брови.

– Урод? Ничего себе. По-моему, вы вовсе не урод. Вы, между прочим, самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела. Как вас зовут?

– Владимир.

– А меня Алиса. Надеюсь, сегодня ночью вы свободны... Влодек?

– У вас какие-то неприятности? – почти перебил ее Свиридов, которого такая откровенная категоричность неожиданно взбудоражила и полоснула горькой болезненной тревогой. – Не молчите... Ведь что-то случилось, правда?

Девушка покачала головой, а потом, не сводя со Свиридова глаз, выпила бокал с бледно-желтым коктейлем и тихо произнесла:

– Просто вчера вечером я осталась совсем одна. Совсем... одна. Вот так.

И – с беспощадной, пугающей деревянной откровенностью – добавила:

– Просто вчера вечером убили моих родителей.

– А ты... что же ты?.. – машинально вырвалось у Свиридова.

– А я ушла из дома. Сбежала куда глаза глядят от всех этих нарисовавшихся на наследство родственников, дядюшек и тетюшек. И не буду возвращаться.

– А ты? – будто не в силах сойти с колеи одной и той же короткой фразы, вновь спросил Владимир.

Девушка хрипло рассмеялась.

– А что – я? Я просто не хочу сойти с ума.

– Расскажи, – коротко попросил он.

...И она на едином дыхании рассказала ему, как пришла домой в одиннадцать утра и, открыв дверь, обнаружила буквально на пороге квартиры трупы отца и матери.

Прибывшая через полчаса бригада следователей и куча невесть откуда появившихся родственников и коллег отца по работе показалась ей просто ничемным шумом и беспорядочным мельканием рук, ног и соболезующих лиц. Все для нее уже кончилось.

Она никогда не питала чрезмерной любви ни к своему высокомерному отцу, жуликоватому и нечистому на руку воротиле теневого бизнеса, ни к матери, истеричке и самодурке, но все же... Это были единственные близкие люди на всей земле.

– Мне сказали, что их убили прямо в квартире и что человек, который сделал это, вошел туда до них, открыв дверь какими-то отмычками, – медленно произнесла Алиса. – Этот следок еще сказал, что, по всей видимости, работал классный спец... дескать, видно по почерку. Почерк! Вот он и расписался на лбах моих родителей!

Свиридов, похолодев, опрокинул в рот только что принесенную ему текилу, которую он терпеть не мог.

Таких совпадений не бывает! Просто потому, что не может быть!

Но одно из таких несуществующих совпадений сидело лишь в метре от него...

Вот эта девочка.

Да, совпадение – потому что во всей огромной Москве она наткнулась на единственного человека, который смог бы назвать ей имя убийцы.

Это он, Владимир Свиридов, уничтожил семью этой девочки с такими широко распахнутыми горькими глазами и тихим, раздавленным голосом!

Это он, и никто другой!

– Прости, – дрогнувшим голосом сказал Владимир. – Наверно, мне лучше уйти. Я не знаю... как...

Он попытался подняться, но девушка, схватив его за руку, заставила сесть на место.

– Не уходи! Я даже не знаю, кто ты такой и откуда... но не уходи... Я не могу остаться вот так... чтобы... Не надо, Володя. ...Они ушли из этого клуба в три часа ночи и пошли прямо к Владимиру.

На его служебную московскую квартиру, которую оплачивало ведомство, приговорившее к смерти бизнесмена Владимира Казимировича Бжезинского, отца Алисы.

Владимир никогда не забудет, как они шли по ночным улицам, не замечая луж и время от времени прыгая обеими ногами в хлещущие ручьи так, что брызги летели во все стороны...

– Я так прыгала в детстве... на Черном море... – обронила Алиса. – Только что прошел теплый дождь, и я скакала по этим лужам и до крови расшибла ногу, а папа взял меня на руки и отнес в домик...

Сложно даже предположить, что в эту секунду творилось в душе Владимира. Бесспорно, он знал, что отец Алисы был бесчестным дельцом, который раздражил спецслужбы и потому получил вполне заслуженную пулю в лоб...

Но когда видишь влажные и совсем еще юные глаза дочери тех, кого только недавно отправил на тот свет...

А потом – потом ничего не было.

Ничего из того, что так красочно демонстрируют в дешевых душевыворачивающих триллерах.

Ничего.

Ни взрыва страсти, до предела обостряемой несчастьем и горьким привкусом непоправимой утраты на губах. Ни шекспировских монологов о ненависти и любви...

– Вот так, Алиса...

– Вот так, Влодек.

Они не говорили о себе. Пытались не думать о возникших на пепелище боли – с одной стороны – и невозможности говорить откровенно – с другой – отношениях, так смахивающих на какой-то совместный психоз.

Они просто молча сидели у окна свиридовской квартиры и пили давно остывший кофе, дотлевавший на губах бессонной горечью, от которой хотелось плакать.

Это было так завораживающе, что Свиридов невольно почувствовал: он не сможет оторваться от этой девушки. Точно так же, как не сможет к ней прикоснуться.

Только время позволит ему сделать это. И она, Алиса, она тоже чувствовала, что этот человек, которого она назвала самым красивым мужчиной в своей жизни... что он не мог встретиться ей просто так.

Их свело вместе то, что обозначают до слезливости банальным и до банальности слезливым: дескать, сама судьба протянула руки, чтобы пересечь ваши пути.

Никакой любви с первого взгляда.

Никакого успокоения.

Просто – способ увести себя от засасывающих в трясину мыслей.

А наутро, когда слепой, по-детски беспомощный серый рассвет начал неуклюже тыкаться в окна и тереться о стекла ветвями облетевших тополей, как преданный щенок трется о ногу хозяина... Владимир неловко коснулся губами щеки буквально провалившейся в сон девушки и произнес:

– Ну что ж... пусть я потом буду думать, что у меня белая горячка и что я редкий дурак... Но только мне кажется, что она будет моей женой. Ничего не могу сделать по-человечески...

...Свиридов никогда не бросал слов на ветер и в тот же день, повинувшись какому-то непреодолимому императиву всего своего существа – перевернуть, изменить что-то в слепой и бездарной своей жизни! – они стали мужем и женой.

Просто взяли да пошли в ЗАГС и поставили в паспортах мертвые и ничего не значащие черные штампики.

И потом Алиса стала жить у Свиридова, не зная, кем является человек, которого она знала только сутки и которого так категорично, отшвырнув скулящие сомнения, избрала себе в мужа.

Да, это просто пародия на плохую мелодраму, – думал Владимир позднее, когда судьба развела их. Пародия – если бы все было не так обжигающе жутко и не могло произойти на самом деле.

Но в конце концов каждый человек имеет право хотя бы на одно безумство за всю свою жизнь. И офицер элитного отдела спецслужб не исключение...

Глава 3

Жизнь за жизнь

Свиридов некоторое время неотрывно смотрел на Алису, а потом выпил протянутый ему стакан водки и сказал таким тоном, словно они расстались только вчера и при самых обыденных, повседневных обстоятельствах:

– Ну... как ты, Алька?

– Ничего, – медленно ответила она, не глядя на Владимира и не снимая руки с мощного плеча своего спутника. – А ты, я смотрю, не так процветаешь, как прежде?

– Почему ты так решила?

– Просто раньше ты не был на побегушках у таких уродов, как вот эти, – она кивнула на горланящее сборище, – напротив, они были на побегушках у тебя.

– Нет, я в порядке, как говорят в американских боевиках крутые парни после того, как прошибут своей башкой пять стен, размолят кулачищами десятки черепов и уложат из автомата пару сотен злых и нехороших хулиганов, – ответил Владимир. – Можно сказать, моя жизнь... ну просто песня.

– Какая песня? Свиридов хитро прищурился, притаив в глазах, как клинок в ножнах, горькую, печальную иронию, и после короткой паузы ответил:

– Знаешь такую – «полковнику никто не пишет, полковника никто не ждет»? Милая песенка, правда?

– Да, – ответила Алиса. – Понятно.

– Давно ты в Калининграде?

– Да нет... не очень. Выпьем?

– Выпьем, – машинально ответил Владимир.

– Только не здесь. Ты посмотри на этих орангутангов, – презрительно сказала Алиса и покосилась на сидящую прямо на столе в нескольких метрах от нее довольно миловидную и совсем еще юную девушку лет восемнадцати, рот которой нафаршировывал клубникой здоровенный амбал с лицом сторожа звероводческого хозяйства где-нибудь этак на Таймыре.

– Да я уж третью неделю люблюсь на это пиршество фауны. Но в таком количестве и концентрации, признаться, видеть не приходилось.

– Э-э-э... Алиска... – внезапно обернувшись и попутно свалив два блюда, вазу с фруктами и два бокала с героиновым пойлом на колени своему собутыльнику, промямлила восемнадцатилетняя дама на столе. – Ты че... типа срыгивать собралась отсюда?..

– Пойду прогуляюсь. А что?

– Ты мне это, Алиска... не вздумай св-в-валить. Ты же бате слила, что типа за мной присмотришь... типа чтобы непонятно не было. А то я вот...

Конец фразы был съеден вместе с изрядным количеством клубники, которую горстью отправил в рот вульгарной малолетки «сторож звероводческого хозяйства».

Закрыв таким образом ей рот, гоблин налил огромный бокал – чуть ли не на пол-литра – вина и протянул Алисе:

– На-ка, Алиска.

Свиридов невольно побледнел: выпей Алиса предложенное ей вино, она немедленно ужаснулась бы в хлам, как то красочно определял Фокин.

Свиридов взял молодую женщину за локоть и негромко произнес:

– Не надо пить. Пойдем отсюда.

– А ты... вообще уткнись, халдей, – попытался было приструнить инициативного работника общепита собутыльник вульгарной девицы, но Свиридов только отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Они вышли на палубу. Парень с благообразным лицом, бывший, по всей видимости, личным охранником Алисы, последовал за ними на некотором расстоянии.

– Нахальная леди, – произнес Владимир. – Что-то я ее тут раньше не видел, но ведет себя, как будто в собственном доме.

– А она и есть как в собственном доме, – негромко проговорила Алиса. – Вся эта богдельня принадлежит ее почтенному папаше.

– Понятно. Честно говоря, я до сих пор не знаю, кто владелец этой посуды.

– А ты про него сегодня много слышал. Всякие байки про глистов из задницы таджикского ослика как средство для кардинального похудения.

– Я так и думал, что это реальное лицо из местных толстосумов и толстопузов.

– Куда уж местнее. Котов Филипп Григорьевич. Он же Кашалот. Это его «шестерки» тут куражатся.

– Это сборище – Кашалотова братва?

– Ну да. Это так... «бычки». А настоящая Кашалотова братва по прокуратурам, администрациям губернатора да по Законодательным Собраниям заседает. Не говоря уж о всяких там ГИБДД и налоговых полициях.

– Милый и законопослушный гражданин, – тоном резюме проговорил Владимир. – Понятно. Но как ты-то попала в это привилегированное общество?

Алиса покосилась на Владимира и, неопределенно пожав плечами, посмотрела на выползшего из зала ресторана бритоголового молодого человека, которого буквально тащили под руки его собутыльник и дама, раскрашенная так интенсивно, что не представлялось возможным определить, сколько ей лет.

Молодой человек, судя по всему, допившийся до кондиции, в которой не станет находиться ни одна уважающая себя свинья, перегнулся через борт и начал усиленно загрязнять водную стихию разноцветными рвотными массами.

– Так, ладно... Не будем об этом... Какие у тебя планы на вечер? – быстро спросил Владимир, чувствуя, что его – неожиданно для него самого – по коже продирает искристый мороз почти мальчишеского волнения. Давно... давно ему уже не приходилось чувствовать подобное.

– Планы на вечер? Ну... ты же слышал... мне отсюда никуда нельзя. Да и мои сопровождающие меня не отпустят.

Владимир покосился на застывшего у борта здоровяка с культурным лицом библиотекаря-тяжеловеса и откликнулся:

– И что?

– Да ничего. – Алиса прислонилась к борту, а потом, приблизив к Владимиру свое бледное лицо с темными зеленовато-серыми глазами, проговорила, слегка понизив голос:

– Ты помнишь, что я спасла тебе жизнь?

– Спасла?

– Я хотела сказать, что... ты помнишь, что я сохранила тебе жизнь, когда... когда по всем понятиям ты был достоин смерти?

– Когда это ты стала жить по понятиям?

– Не придирайся к словам, – строго произнесла Алиса. – Я не о тех понятиях, о которых ты подумал.

– Прости. Я не хотел тебя обидеть. Конечно, я все помню, Алька.

– Ну, так вот, – сказала Алиса. – Я сохранила твою жизнь, а теперь ты... Теперь ты помоги сохранить мне мою.

* * *

Конечно, Владимир прекрасно помнил, что имела в виду Алиса, когда говорила о сохранении его жизни и о том, что он был достоин смерти.

Такое не забывают.

...Они прожили с Алисой даже не неделю – шесть дней. Потом грянул расстрел Белого дома, в события вокруг которого был активно вовлечен Свиридов. И Владимир исчез из жизни Алисы на несколько лет.

В девяносто восьмом они встретились на вилле Валерия Маркова – саратовского авторитета по прозвищу Китобой. Валерий Леонидович был известным бизнесменом, который располагал весьма эффективным рычагом воздействия на конкурентов.

Этим «рычагом» был суперкиллер, известный под именем Робин, или Стрелок.

В это же время Алисе удалось узнать, что ее родителей отработал именно киллер Робин. Но его паспортных данных она не знала.

Впрочем, ФСБ (естественно, сотрудничество не носило официального характера) за весьма значительную сумму помогло вычислить место нынешней дислокации убийцы ее родителей.

Вот со всем этим Алиса и отправилась в Саратов, чтобы уже на месте узнать, как можно выйти на Робина и познакомиться с ним поближе.

На Китобоя надавили, и он вынужден был дать согласие на сдачу своего суперкиллера: он пригласил его на свою загородную виллу на торжество к дню своего сорокалетнего юбилея. На юбилей он должен был указать на человека, который носил звучное имя староанглийского героя Робин Гуда.

Но, не успев этого сделать, он погиб в своем роскошном бассейне в результате взрыва, подстроенного ему какими-то «доброжелателями».

Личность киллера по имени Робин продолжала оставаться неизвестной.

И, тщательно проанализировав всю имеющуюся у них информацию и подытожив свои наблюдения за гостями Китобоя, Алиса и ее куратор из ФСБ майор Шепелев, он же Ян, пришли к выводу, что Робин – это священник Воздвиженского храма Саратова отец Велимир.

В миру он звался Афанасием Фокиным.

Шепелев и Алиса Смоленцева предъявили ему обвинение, но Фокин не смог ни опровергнуть его, ни подтвердить: события стали развиваться так бурно, что никто не успевал отслеживать их и анализировать.

Но вот настал момент, когда Алиса, Фокин (точнее, его бесчувственное тело) и Владимир Свиридов остались одни.

– Твой лучший друг – убийца, Влодек. Он наемный убийца, – с усилием произнесла Алиса. – Он раньше работал в спецотделе Главного разведуправления... «Капелле»... может, слышал? Ты же тоже в каком-то спецназе служил, да, Влодек?

Свиридов кивнул, не сводя с нее внимательного, цепенеющего взгляда. – Помнишь, когда мы встретились с тобой тогда, в ночном клубе... много лет назад? Ты еще сидел мрачный и пил все подряд. В тот день тебе исполнилось двадцать восемь лет. Ведь помнишь?

– Да, конечно, Алька, – машинально проговорил Свиридов, уже холодея от предчувствия того, что угадал следующие слова Алисы. – Конечно, помню.

– Так вот, накануне убили моих родителей. Застрелили в упор. Я... я долго искала того, кто сделал это... И все пыталась понять, кто и за что... я даже училась в школе при... при... в общем, я нашла этого человека. Этого убийцу. В документах «Капеллы» он числится как... и здесь, в этом городе, он известен как Робин.

Несмотря на все самообладание Владимира, он вздрогнул, почувствовав, как волна смешанного с будоражащей тревогой ледящего ужаса продрала позвоночник, высекая искры мурашек на коже. Побледнел как полотно и, не справившись с собой, сказал что-то совершенно неуместное:

– А не выключить ли нам свет? Очень жарко... то есть я хотел сказать... очень ярко.

Алиса, словно не услышав этих слов, нервно облизнула губы и проговорила, понизив голос почти до шепота:

– Так вот, Влодек... моих родителей убил он, Фокин. Я спросила у него это сегодня прямо в лицо, и если бы ты видел эту гримасу, что появилась у него... До этого момента я еще сомневалась, но такого выражения лица не может быть у человека, который невиновен.

Свиридов молчал.

Он просто не знал, что должен и что не должен говорить. Конечно, он прекрасно понимал, по какой причине так изменился в лице Фокин. Афанасий знал истинного убийцу Владимира Казимировича и Марины Алексеевны. Тогда это не было преступлением, потому что было просто исполнением долга. Бжезинский был нечистоплотным и максимально криминализированным дельцом, по которому плакала тюрьма.

Но теперь – перед ним, их убийцей, сидела дочь этих людей.

Его, Свиридова, жена...

Их разговор был неожиданно прерван. По приказу майора ФСБ Шепелева Алису и Владимира безжалостно бросили в подвал, обрекая на голодную смерть.

Шепелеву были не нужны лишние свидетели. Ему был нужен только киллер по прозвищу Робин, которым он продолжал ошибочно считать Афанасия Фокина.

И он увез его с виллы Китобоя. Можно сказать, похитил.

А потом... Потом для Владимира и Алисы был побег из того мрачного каменного склепа, в который их бросили люди Шепелева, и головокружительная гонка за машиной с Афанасием... Были ярость и азарт погони... а потом перестрелка, короткая схватка на обочине и полные торжествующей злобы слова «псевдо-Робина» Фокина, опрокинувшего на землю майора Шепелева:

– Не того искал, придурок!

Шепелев тогда оторвал от земли перепачканное в пыли лицо – Свиридов никогда не забудет этого ошеломленного выражения! – и тихо спросил у подошедшего Владимира, словно не замечая стоящей за его плечом Алисы:

– Кто вы... такой?

За Свиридова тихо ответил Фокин:

– А это и есть Робин. Тот самый суперкиллер, о котором вы так много слышали. Что ему стоило расправиться с вами, а, майор? Ведь он – тот самый... а вовсе не я. Китобой сдал тебе не того.

– Это правда? – хрипло спросил Шепелев.

И тогда Владимир, не оглядываясь на застывшую Алису, которая, вероятно, еще думала, что ей отказывает слух, чувствуя, что только одно слово может спасти и очистить его хотя бы перед лицом самого себя, уронил:

– Да.

Шепелев покачал головой и, подняв на Свиридова холодный, стеклянный взгляд, вдруг рассмеялся.

– Ты что? – опешил Фокин.

– Сами догадайтесь...

Свиридов, повернув голову, увидел Алису, которая стояла, широко расставив ноги, и целилась в его, Владимира, голову.

– Сколько же лет ты мог мне врать? – тихо проговорила она. – Теперь все ясно... Как же я сама не поняла столь очевидное? Господи, ведь у меня было предчувствие, что все это неспроста... та встреча в ночном клубе, тот разговор и потом... ведь есть же бог на земле. Значит, это ты, Влодек... значит, это ты убил моих родителей?

– Да.

Наибольший эффект слова Алисы оказали, кажется, на Фокина.

Он сдавленно простонал и, схватившись руками за голову, опустился на землю:

– Ой, какой же я дурак... я забыл...

– Ничего, Афоня, – не двигаясь с места, проговорил Свиридов. – Ты сказал правду. Если бы это не сказал ты, пришлось бы говорить мне, но не при таких благоприятных условиях.

– Бла-го-при-ят-ных? – выдавил Фокин.

– Смотря для чего, – внезапно заговорил Януарий Николаевич. – Для Алисы Владимировны они, например, как нельзя более благоприятны. Алиса Владимировна... ведь вы же так долго искали убийцу своих родителей. Истратили на поиски целое состояние. По сути исковеркали свою жизнь. И вот теперь он стоит перед вами и подтверждает, что это он выполнил заказ спецслужб. Почему же вы медлите?

– Володя, можно, я его пристрелю? – сквозь зубы спросил Фокин.

Свиридов не ответил. Он смотрел в источающие пламя глаза Алисы и думал, что вот так, от руки женщины, которая если и не любила, но, во всяком случае, помнила о его существовании долгие годы, – вот так умирать обиднее всего.

– Да... я бывший киллер «Капеллы», – хриплым голосом произнес Свиридов. – Да и сейчас, откровенно говоря... мои занятия не сильно изменились. Вот поэтому я и не сумел вернуться к тебе после участия в штурме Белого дома. Именно поэтому меня вычеркнули из списка живых, поместив мою фамилию в список погибших.

– Ты меня уничтожил, Влодек, – твердо сказала Алиса. – Уничтожил. Оказывается, все эти годы я искала тебя с помощью вот этого человека... Он тоже предал меня, но не так больно, как ты.

– У нас нет времени для душещипательных бесед, – жестко проговорил Свиридов. – Через пару минут здесь будут менты. Так что решай, кто из нас предал тебя больше... как ты говоришь. Потому что один из нас не должен оставаться в живых. Тот, кто выживет, спишет вину за перестрелку на мертвого и...

– Хватит, – перебила его Алиса. – Майор, подойдите сюда. Как вы думаете... кого мне пристрелить? – тихо и зловеще проговорила она, медленно вдавливая курок нацеленного в голову Свиридову пистолета. – Его или вас, который, кажется, собирался сгноить меня в бункере, где было обнаружено что-то очень интересное.

– Обоих, – за Шепелева ответил Владимир.

И тогда грохнул выстрел.

Но за считанные доли секунды до того, как он прозвучал, молниеносным движением Алиса перевела дуло пистолета со Свиридова на Шепелева.

Майор ФСБ беззвучно упал на землю...

– Не могу, Влодек, – тихо проговорила Алиса. – Пусть тебя убьет кто-нибудь другой. Не могу...

И она снова ушла из жизни Владимира, как он тогда думал, навсегда.

И вот теперь она стояла перед ним, а в его ушах еще отдавались негромкие и такие, казалось бы, спокойные и выдержанные слова:

– Я сохранила твою жизнь, а теперь ты помоги сохранить мне мою.

Свиридов, немного помолчав, спросил:

– Чем я могу тебе помочь?

– Поговорим позже, – сказала она. – Та-а-ак... А это, кажется, к тебе.

И она выразительно посмотрела поверх плеча Свиридова на направляющуюся к ним группу бритых граждан в сильном подпитии.

– А вон он... офффицьян-н... – протянул один из них, тыча пальцем в направлении Владимира, – а то смотрю, один там только на подпаске у наших... Че за дела?!

Это он выкрикнул уже непосредственно в лицо Свиридову, ошелолив того децибелами и винно-водочным напалмом изо рта.

Из-за спины наглеца вынырнул вездесущий Мосек, который, по всей видимости, был еще пьянее своих товарищей, и заплетающимся языком брякнул:

– А этот-то... он и раньше бере...гов не чуял... поляны не сек. Я чего-то не... допираю, братва: он что из себя корчит: метрдоителя пы...пыринца Конде?

Владимиру первый раз приходилось сталкиваться с отморозком, который мог выговорить слово «метрдоитель», да еще и слышал о принце Конде. Поэтому Свиридов широко улыбнулся и проговорил:

– Одну минуту, ребята... иду.

«Ребята» переглянулись.

– В натуре... он, кажется, не понял. Ты хоть просек, с кем базаришь?

– Прекрасно вижу, – выразительно сказал Владимир, смерив красноречивым взглядом красные рожи братков.

– Не, ты не понял... ты не сюда смотри. Ты туда смотри... – И один из парней ткнул пальцем в Алису. – Ты вот сюда смотри...

– Шел бы ты, Витечка, до дому до хаты, – не выдержала та. – Мне нужно поговорить. А будешь много базарить – скину Филиппу Григорьевичу, что ты начал борзеть. Сам знаешь, что тебя быстро на ноль умножат, сявку.

Владимир едва не расхохотался, увидев, как тут же стушевался упомянутый Витя. Даже чрезмерное количество принятого героинового «винца» и самопальной водки не давало ему набраться храбрости и, выпятив грудь, молодецки гаркнуть: «Да клал я на тебя и на твоего Филиппа Григорыча, жаба!»

Зато Мосек, который, как уже было заметно многократно, за словом в карман не лез, подскочил к Владимиру и, схватив того за рукав белой рубашки, дернул так, что послышался треск рвущейся ткани, впрочем, немедленно заглушенный мосековскими обертонами:

– Да ты че, бля?! Да ты, в натуре, чисто гонишь?! Пацаны, по ходу, этот баран типа не рулит... надо его, в натуре, наказать!

Гоблинарии всех видов и мастей удивительно любят включать в свой незатейливый лексикон глагол «наказать». Вероятно, полагают, что это придает основательности и солидности их речи, однообразно испещренной всяческими «чисто», «ебть», «в натуре» и прочими «типа».

Но Мосека снова урезонили.

Подошедший охранник Алисы, не сводивший глаз со всей этой мизансцены, спокойно взял недомерка за плечи, развернул на сто восемьдесят градусов, а потом напутствовал таким пинком, что бедняга, неловко икнув, выписал в воздухе незамысловатую траекторию и только чудом разминулся с выходящей из ресторана... той самой девчонкой, что, по словам Алисы, была дочерью Кашалота.

Ее сопровождали двое парней.

Девушка, ковыляя и виляя бедрами самым невероятным образом – потому как была пьяна, да еще волокла сползавшую с ноги туфлю, – приблизилась к Алисе и Владимиру и, прищурив левый глаз, почти пропела:

– А-а-а... воркуешь, Алиска? А что скажет папаша, ты не подумала... курица?

– Замолчи, жаба! – неожиданно резко прервала ее Алиса, а потом, жестом велев уже стушевавшимся браткам отойти, кивнула на Владимира и негромко произнесла:

– Вот это тот самый человек, который нам нужен.

По лицу пьяной девицы, калейдоскопически сменяя одно другим, промелькнули несколько выражений: недоумение, досада, удивление. Наконец, подозрение, быстро сменившееся все тем же презрительным недоумением.

– Вот он? – недоверчиво протянула она. – Ресторанный... служба?

– Да. А чем он тебе не подходит, Ленок? – подделавшись под вульгарный тон девчонки, насмешливо спросила Алиса.

Лена, переведя взгляд на Свиридова, захихикала, а потом, фамильярно похлопав Владимира по щеке, нараспев произнесла:

– Да... мужинка очень даже... ничего. Милашка. Но вот только он не...

– Он не!.. – перебила ее Алиса. – Он вполне соответствует, поверь мне. И вообще, бесценная Елена Филипповна, идите лучше к вашим болванам и забавляйтесь дальше. Не мешайте.

Слово «бесценная» было произнесено особенно выразительно. Лишь через несколько дней Владимир до конца осознал, какие смысл и эмоции вкладывала Алиса в это – ключевое для всех последующих бурных и запутанных событий! – слово: «бесценная».

Глава 4

От китобоя к кашалоту

– Шалавистая дочка у Кашалота. – Свиридов пристально посмотрел на мрачную Алису и добавил: – Но с ней-то понятно... она дочка. А вот ты в каком качестве состоишь при господине Котове?

Алиса пожала плечами:

– Как тебе объяснить...

– Словами.

– Думаю, здесь не лучшее место, чтобы объяснять тебе что-либо. Поедем отсюда.

– Я на работе, – сухо сказал Свиридов, но, взглянув на окаменевшее лицо Алисы, рассмехался и быстро поправился:

– Да шучу я, Алька. Конечно, я отсюда немедленно сваливаю. Вот только предупрежу Афанасия, что ему теперь нужно работать не только за себя, но еще и за того парня... то есть за меня. Ты, конечно, помнишь такого здоровенного бородатого священника, которого ты видела на вилле Маркова и приняла за Робина?

– Он здесь?

– Ну да.

– Только не говори мне, что это тот огромный толстяк с плечами борца-тяжеловеса... Тот, который сейчас работает с тобой на пару в ресторане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.